Русский
монархизм

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
4 ЦА4
Р922

93

Копія

„Nemo"

Русскій монархизмъ, русская интеллигенція и ихъ отношенія къ народному голоду

Опытъ программы юной русской социал-демократіи —

Изданіе 1892 г.

ЦАА
4 Р922

Отд. Печати
Арх. Реж. Вн. Пол.
Инв. № 993.

К.

Отъ издателей

Желаніе автора возможно скорѣе опубликовать предлагаемую статью принудило насъ прибѣгнуть къ гектографу. Условія работы на гектографѣ, при томъ лѣтній сезонъ таковы, что явилась необходимость не вполнѣ точно воспроизвести рукописи автора. Надѣемся, что авторъ не посѣтуетъ на насъ за эти вынужденныя уклоненія.

Библиотека Института Ленина
4 ЦА4 / Р922
Ц. 8517
2010 г.
У 82

Русскій монархизмъ, русская интеллигенція и ихъ отношеніе къ народному голоду

Опытъ программы юной русской соціалъ-демократіи.—

Въ моментъ, когда великая бѣда разразилась со всѣми своими ужасами надъ малокультурнымъ народомъ еще не сбросившимъ со своей выи постыднаго рабства, не закалившимъ своихъ интеллектуальныхъ и нравственныхъ силъ в благородной борьбѣ за свободу и благосостояніе, в такой моментъ в высшихъ интеллигентныхъ слояхъ народа возникаетъ броженіе мысли, водворяется умственный хаосъ. Интеллигенція, не выработавшая себѣ законченнаго міросозерцанія, которое способно было-бы уяснить и опредѣлить отношенія развитыхъ людей къ народному бѣдствію,— мечется на прокрустовомъ ложѣ сомнѣній, колебаній, неразрѣшенныхъ вопросовъ. Естественно, что в такой грозный часъ, когда нужно умѣлые быстро подыскать и примѣнить радикальныя мѣры спасенія, естественно, что интеллигенція, не имѣющая за собой никакого историческаго прошлаго, никакого традиціоннаго опыта в планомѣрномъ и непрерывномъ служеніи народу, оказывается несостоятельною, ненаходчивою и ребячески неопытною.

В минуту народного горя, интеллигенты чувствуют себя беспомощными, бесполезными, угрызаются совестью, искренно страдают душою. Лучшая часть их, очертя голову, не выясняя своих теоретических понятий основных обязанностей к родному народу, отдается всецело и безотчетно страстному влечению чувства, подчиняясь повелительному голосу своей чуткой совести, и с головою уходит в работу величайшей помощи бедствующему народу, самоотверженно и радостно становится в ряды „погибающих за великое дело любви". Эти избирают благую часть: чувство их не обманывает — они полезны народу, хотя бы их помощь лишь временно облегчала бы народные страдания. Жизненность народа определяется большим или меньшим числом именно __таких__ честных деятельных людей въ его лоне. Если общество деморализовано вековым рабством настолько, что даже могучий грубый толчок, которым его награждает жестокая судьба, не пробуждает его деятельных творческих сил, и оно по прежнему спит и примиряется, не вступая в смертельный бой с неумолимым врагом, — это значит, что общество не далеко от своей смерти, это значит, что уже начало гнить и разлагаться общественное тело. Как в отдельном живом организме, так и в обществе должны быть запасы энергии и жизненных соков, которые обеспечивают его целостность и бытие. В минуту бедстви

сильной организмъ недугъ, самыя зіяющія раны его затянутся и зарубцуются, если въ немъ есть запасы здоровой матеріи: сильное, зрѣлое своей долгой исторической жизнью общество не умретъ, возродится, какъ феникс изъ пепла, если в годину бѣды в немъ окажется достаточно организующихъ жизнерадостныхъ элементовъ. Тамъ гдѣ нѣтъ <u>борьбы</u> тамъ смерть; гдѣ (дает) апатія тамъ гніеніе. Если свободная воля и творчество духа уже не возбуждаются, то вступаютъ в свои права законы физико-химическіе силы стихійныя которымъ нѣтъ никакого дѣла до блага и счастія живыхъ существъ: они безпристрастно разрушаютъ все, что слабо, безвольно, что не оказываетъ имъ отпора. В борьбѣ за существованіе торжествуетъ только сильный и какъ бы это не возмущало прекраснодушіе и изнѣженное сентиментальное сердце нѣкоторыхъ идеалистовъ и мечтателей с больнымъ воображеніемъ, а и в области соціальныхъ явленій и отношеній постоянно царитъ тотъ же желѣзный законъ торжества силы, и только сила даетъ право на существованіе. По этому силѣ должна б. противопоставлена еще <u>бо́льшая</u> <u>сила</u>, чтобы по законамъ механическимъ, преимущественно, торжество осталось на сторонѣ послѣдней.

В предѣлахъ человѣческаго общества критеріумомъ блага является счастіе <u>личности</u> индивидуума, и <u>торжество</u> <u>силы</u> настолько знаменуетъ прогрессъ <u>постольку</u> <u>благодѣтельно</u>, поскольку оно ведетъ к счастью личности.

Если личность бедствует и страдает, это значит, что распредѣленіе сил въ обществѣ не способствует благу и должно быть измѣнено. Но такое измѣненіе, чтобы имѣть своим результатом благо, т.е. счастіе личности должно быть предпринято по тому принципу, что силѣ, порождающей беду для личности, (как говорят люди „злой силѣ" хотя в мірѣ нѣт в сущности ни „злых" ни „добрых" сил, а есть только отношенія сил к интересам человѣческой личности) должна быть противопоставлена также нѣчто иное, как сила и притом непремѣнно сила большая чем сила „зла" (будем так выражаться для краткости несмотря, что это выраженіе неправильное). Все что рассчитано на то, чтобы остановить силу заклинаніями или хотя бы и вполнѣ матеріальною силою, но меньшею, слабѣйшею, чѣм враждебная сила, все это на первых же порах своего примѣненія оканчивается жалким самообманом, торжественно свидѣтельствуя о людской ограниченности, нерасчетливости, непредусмотрительности. Кто рассчитывает нашептываньем остановить бурное теченіе многоводной широко разлившейся в половодье рѣки, или противопоставляет ея могучим водам ничтожную плотину, тот обнаруживает или свое невѣжество и дикость или недальновидность и скудоуміе. Рабочее движеніе, как великое море вздымающее в наше время свои могучія волны, поднимая изо-дня в день грозную стѣну

капитализма, это движеніе стало получать свое значеніе и принимать колоссальные размѣры только и только тогда, когда оно могучей, вѣковѣчной силѣ растущаго концентрированнаго капитала противопоставило также силу организованнаго соединенія массъ. И только тогда побѣда стала склоняться на сторону пролетаріата, когда сила эта возросла до того предѣла, когда она оказалась большею чѣмъ сила сосредоточеннаго капитала; только в наше время, когда раздулись сердито волны народнаго моря и с неслыханной силой и постоянством ударяют в подножіе твердынь буржуазно-капиталистическаго порядка только теперь мы начинаемъ замѣчать, что эти твердыни колеблются, подтачиваемыя гнѣвною водою въ самомъ основаніи и смотримъ радостно предвидя, что недалек тот счастливый моментъ, когда они съ трескомъ рухнутъ и зальютъ ихъ шумныя воды народнаго моря.

II

Въ русскомъ интеллигентномъ обществѣ подавл. отчужденность отъ народа политическими условіями, принужденность вступить съ нимъ въ сближеніе нелегальными путями. Развѣ оно заговорило прогрессивными идеями, въ русской интеллигенціи страшная бѣда, пришедшая въ 1891 г. въ образѣ народнаго голода не могла не возбудить самыхъ разнообразныхъ умственныхъ теченій. Человѣконенавистническая реакція, немедленно вызвав-

мысль послѣ 1 Марта со вступленія на престолъ Александра III обратилась при помощи средствъ азіатскаго деспотизма, мистицизма, непрерывныхъ преслѣдованій политическихъ преступниковъ, преслѣдованій переполнившими через край тюрьмы лучшими людьми русскаго общества, стѣсненіями печати, классическаго обученія, ломкой всѣхъ лучшихъ реформъ, добытыхъ съ страшными усиліями русскимъ обществомъ у правительства въ 60 годахъ, обратилась русск. общественн. жизнь в стоячее гнилое болото, в полномъ смыслѣ этого слова. Ничего нѣтъ удивительнаго, что когда это болото до сего дня всколыхнулось отъ нагрянувшаго шквала, что на поверхности его всплыла всякая болотная мерзость — тина, жабы, головастики и пр. что его вода вспучилась пузырями, которые лопаясь отравляютъ воздухъ міазмами. Ничего нѣтъ удивительнаго въ той чудовищной неурядицѣ, которая ознаменовалась и теперь знаменуется еще и посей часъ наша борьба съ голодомъ, что въ умахъ господствуетъ такая сумятица, что возникаютъ подъ часъ такія возмутительныя мнѣнія и теоріи в головахъ людей вовсе не подлыхъ душою.

Все это плодъ долговременнаго, вынужденнаго застоя, безмолвія и порабощенія, всѣхъ тѣхъ тягостныхъ, постыдныхъ условій въ которыхъ русское общество находилось под гнетомъ грубой солдатской руки своего монархическаго правительства. Если

годовъ поразилъ такой громадный размѣръ,
какъ это случилось въ наше время, и пора-
зилъ въ такой степени, что вызвалъ полное
и коренное разстройство крестьянскаго хозяй-
ства, сопровождавшееся продажею за без-
цѣнокъ всего движимаго имущества — скота,
необходимѣйшаго земледѣльческаго инвентаря
въ родѣ сохи, бороны, лучшей одежды —
отдачею въ аренду за безцѣнокъ надѣльной
земли, сопровождавшейся семей. всѣ такими
обстоятельствами, которыя обрекли края
на страшнѣйшія страданія голода и холода
— если это случилось, то конечно не отъ
климатическихъ и природныхъ причинъ, засу-
хи, потопа, какъ это хотятъ доказать
разные ученые профессорствующіе прихвост-
ники правительства. — Произошло это,
какъ то ясно и a priori всякому, кто когда
либо вдумывался въ историческія причины
народныхъ бѣдствій, какъ доказываютъ
неопровержимо статистическія цифры
даже официціальнаго происхожденія, отъ нево-
образимо-дурного управленія, которому подверженъ
русскій народъ, отъ страшно дорого стоющей,
сложнѣйшей государственной машины, при-
томъ всѣми подробностями своего устройства
приспособленной къ выжиманію изъ народа
матеріальныхъ средствъ идущихъ значитель-
ною своею долею на содержаніе полицію Святой
Руси, „сто-тысячъ полицеймейстеръ" миліонов
бюрократовъ-чиновниковъ, сотен великихъ
князей и принцев. крови, отъ непропорціональ-
ности поборовъ съ платежными силами

народа, поборовъ, выбиваемыхъ и выколачиваемыхъ полицейскими чинами, отъ малоземелья, этого первороднаго грѣха тяготѣющего надъ реформою 19 Февраля. Какъ слово народъ съ котораго берутъ подати отнимаютъ у него добрую половину продукта его недавняго [?] труда, каторжнаго труда подъ палящимъ солнцемъ, подъ невыносимымъ, истощеннаго безъ удобренія землею, народъ отданный въ лапы губернскихъ сатраповъ-администраторовъ, высасывающихъ изъ него послѣдніе соки, опаиваемый систематически в государственныхъ кабакахъ. Какъ могъ этотъ темный полу-одичавшій народ у котораго все отнимаютъ и ничего ему не даютъ въ отплату не впасть въ крайнюю нищету, не начать голодать подъ вліяніемъ болѣе сильнаго, чѣмъ обыкновенно, неурожая. Не безпричинно раздавались по поводу голода „хищничество", сребренниковъ [?], самоварниковъ и „протобестій [?]" съ массовою порчею муки, предназначаемой голодающимъ, съ хлѣбною спекуляціей, доходившею до бѣшенаго апогея [?], съ Пурпертами [?], Абрамскими [?] и Немешами [?], вообще со всѣмъ наглымъ грабежомъ среди бѣла дня и на глазахъ у властителей. —

Русское монархическое правительство всегда отличалось трогательною благосклонностью къ третьему сословію (tiers-etat), к толстобрюхому купечеству и всегда покровительствовало ему. — Купечество испоконъ вѣку у насъ считало себя сословіемъ, провидѣніемъ (какимъ, подумаешь, гуманнымъ — провидѣніе [?]) предназначеннымъ считать, что не стыдно, опорою царя и отечества.

Оно сильно правительству ходатайство все о новомъ и новомъ усиленіи протекціонизма; оно разрушается всякимъ даже легкимъ поползновеніемъ правительства на его интересы въ фискальныхъ цѣляхъ, и еще недавно дошло даже до демонстраціи съ оскорбленіемъ величества оставивъ на скамейкахъ Московскаго Генералъ-Губернатора, Великаго Князя Сергія, за его запрет какъ говорятъ, ѣздить самовольно по Ильинкѣ главной артеріи Москвы. Нашъ рабочій вполнѣ отданъ на произволъ предпринимателей и фабрикантовъ: рабочее законодательство еще въ самомъ младенческомъ состояніи. Вообще русское правительство издавна отличается вполнѣ ясно выраженнымъ буржуазнымъ духомъ. —

III.

Как ясны соціальныя причины сельскаго упадка так ясны и причины сопровождающихъ его эффектов въ средѣ культурнаго и иныхъ классовъ русск. общества, классов, стоящих надъ серою крестьянскою массою. Также понятны съ точки зрѣнія исторической и такие отвратительные эффекты как выходка поэта Фета, „пѣвца соловьевъ и розъ" который своими благоухающими устами плюнулъ по злобному по адресу голодающихъ, кормильцевъ земли русской. Въ сладкозвучномъ поэтѣ дней наших сидитъ крѣпостникъ того же мелкаго пошиба, какъ и

въ недавнiй юбилей освобожденiя русскаго крестьянства, когда тотъ же почти в то время еще въ цвѣтущемъ возрастѣ поэтъ вопiялъ, что крестьянскiе гуси, почуя свободу своихъ хозяев, сдѣлали потраву в его барскихъ лугахъ. Политикъ такой остался потому что за все время, после 61 год. В лицѣ дворянскаго сословiя, тенденцiи помѣщичьи, крѣпостническiя поощряемыя съ высоты трона, а на нашихъ глазах получают полный простор и примѣненiе въ институтѣ земскихъ Начальниковъ, съ его смѣшенiемъ, мировоби-тiемъ и раздѣленiемъ для административнаго употребленiя.

Невѣрное поведенiе „Моск. Вѣд." этой ученой бѣшенной собаки русск. правительства, этого убiйцы для всѣхъ ренегатовъ, в лицѣ Тихомирова, этого высоко офицiознаго наемнаго органа, — поведенiе достойное суда Линча, оно тоже объясняется того общаго равнодушностью и деморализацiей, водворившейся нынѣ вообще во всѣхъ сферах русской общественной жизни, тоже въ частности в сферѣ политическаго движенiемъ расшатывающаго абсолютно монархическаго режима. Казалось что можетъ быть безобиднѣе Владимiра Соловьева? Правда это честный человѣкъ, несомнѣнно прогрессивнаго образа мыслей, окрашенныхъ даже социалистическимъ оттѣнкомъ, но все-таки это ярый, убѣжденный монархистъ, всосавшiй монархическiя убѣжденiя съ молокомъ системы, получившiй ихъ по наслѣдству

отъ своего отца-историка, все-таки это широ-корелигіозный христіанинъ, примирившій въ себѣ догматы вѣры съ положеніями современной соціальной науки. И что же — даже его не пощадили „Москов. Вѣд." Въ засѣданіи психологическаго общества, этого распространителя туманной метафизики и трансцендентальной философіи, г. Соловьевъ прочиталъ рефератъ, в которомъ автор указывалъ на основаніи подлинныхъ, историческихъ фактовъ, что православная церковь не чужда была инквизиціи, как средства искорененія ересей. По поводу этого реферата „Моск. Вѣд." ударили в набат, стали у рта злословить на г. Соловьева и „психологическое общество, вопіять о „подрываніи основ вообще еще и еще раз вынули „нигилизмъ" на всенародныя очи, со всеми своими прелест-ями сикофантство лжи и передержек. Своего „Москов. Вѣд." добились: г. Соловьевъ вынужденъ былъ выйти изъ состава членовъ психологическаго общества, отказавшись было отъ своей должности председателя общества Н. Я. Гротъ, и даже самому обществу грозило одно время опасность закрытія.—

Графъ Лев Ник. Толстой, мистик и рационалист въ религіозных вопросах морали, казалось тоже должен былъ бы застраховать себя отъ нападковъ охранителей, особ. по крайней мѣрѣ своею религіозного проповѣдью „непротивленія злу". На принципъ анархизма до того въ головахъ „охранителей" утратилъ свой истинный смыслъ, до того исказился приписью человѣконенавистничества, что графъ Толстой являлся всегда извращен-

Г.

нымъ объектомъ для выходокъ такихъ газетъ, какъ „Москов. Вѣд." „Гражданинъ". Нечего говорить лучшую благодарную тему для благонамѣренныхъ вѣстей далъ Левъ Толстой этимъ газетамъ, когда заговорилъ по поводу голода нѣсколько инымъ тономъ, тономъ негодованія на дѣйствія правительства и чиновничества. На его сѣдую голову вылиты были цѣлые ушаты площадной ругани, он былъ провозглашенъ нѣсколько, вѣроятно неожиданно для себя, соціалистомъ („Графъ проповѣдуетъ всю мерзость соціализма") и дошли до того, что Толстого, если вѣрить слухамъ, не пустили въ Москву и воспретили выѣздъ изъ „Ясной поляны". Всѣ эти подвиги „Москов. Вѣд." подвиги увѣнчавшіеся успѣхомъ не были бы мыслимы въ благоустроенномъ государствѣ, не потому, конечно, что въ немъ клеветникамъ заткнули бы ротъ — тамъ и на этотъ счетъ господствуетъ laissez faire, laissez passer — а потому, что тамъ въ этихъ клеветахъ не было бы надобности, онѣ не принесли бы выгод, наживы клеветникамъ, а наоборотъ заслужили бы общественное презрѣніе, негодованіе противъ нихъ и, быть можетъ, привели ихъ на скамью подсудимыхъ по закону о диффамаціи, причемъ судъ былъ бы произведенъ гласно публично съ присяжными, т. е. со всѣми гарантіями справедливости и для общества и для подсудимаго. У насъ же клеветы заслуживаютъ поощренія, ибо сикофанты видятъ плоды своихъ дѣйствій, видятъ, что правительство является солидарнымъ съ ними и готово по ихъ указанію и навѣту упекать самыхъ крупныхъ людей. Общественнымъ мнѣніемъ не дорожатъ.

В

а кулачная расправа не справляется съ вопросомъ о справедливости или общественной пользѣ. Охранительная печать есть продуктъ инквизиціоннаго духа, которымъ проникнуто правительство, духа политической нетерпимости, создавшаго специфически-русское понятіе „неблагонадежнаго, неблагонамѣреннаго гражданина", понятія для выраженія котораго Кэннанъ не могъ подыскать подходящаго слова въ англійскомъ языкѣ, а его нѣмецкій переводчикъ въ нѣмецкомъ. Этотъ духъ озлобленной нетерпимости господствуетъ въ области государственной религіи, русскаго папства — православія, и самодержавіе, опирающееся на православіе, к-рое оказало ему со временъ Калиты много услугъ и чрезвычайнымъ образомъ содѣйствовало его усиленію, разливая мракъ мистической обрядности и идолопоклонства (руками не совсѣмъ фанатичными, но очень ловкими — Побѣдоносцева), содѣйствуетъ увеличенію его вліянія. Вотъ на этой-то тучной почвѣ и произрастаютъ роскошнымъ образомъ тѣ ядовитыя растенія, какъ охранительные органы печати, умерщвляя вокругъ себя своими испареніями и мракомъ своей тьмы всякое проявленіе свободной жизни. Пока не изчезнетъ причина всѣхъ причинъ, неограниченный абсолютизмъ, не изчезнутъ и всѣ его злыя слѣдствія.—

IV

Если для народа что либо и дѣлалось, то дѣлалось оттуда не вслѣдствіе прогрессивныхъ

самопроизвольныхъ стремленій русскаго правительства, а если вслѣдствіе духа времени, повелительно требующаго реформъ, грозящаго вынудить эти реформы силою, — какъ это было съ реформою освобожденія крестьянъ, — или по причинѣ явной выгоды какой либо реформы для финансовыхъ обстоятельствъ правительства. Русскіе министры, все-таки въ наше время знакомые съ основными началами политической экономіи и, проводя какія-либо экономическія мѣры, сообразуются до извѣстной степени и съ вопросомъ о томъ, какъ онѣ должны отразиться, согласно указаніямъ точной науки на производительности труда, а слѣд. на источникахъ, изъ которыхъ черпаются всѣ государственныя средства. Въ этомъ знаменательномъ фактѣ, слышится какъ-то то, что самое реакціонное и эгоистическое правительство должно невольно примѣняться къ интересамъ своего народа, слѣдитъ, конечно законъ мірового прогресса, каковы бы ни были воздвигаемы препоны прогрессу, хотя всякой, духъ времени возьметъ свое и заставитъ власть имущихъ невольно, со скрежетомъ зубовъ и подавленной злобою, служить поступательному движенію человѣчества, а слѣд. и достиженію возможнаго на землѣ счастья для личности. Эволюція человѣческаго общества идетъ съ того-же фатальною необходимостью, какъ и эволюція отдѣльныхъ организмовъ среди ихъ ожесточенной борьбы за существованіе,

вымиранія неприспособленныхъ и торжество сильныхъ. Но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы не существовало вредныхъ для прогресса тормазовъ и камней преткновенія, чтобы не возможно было движеніе съ меньшимъ треніемъ, чѣмъ съ какимъ оно существуетъ теперь. Человѣчество живетъ не только въ пространствѣ, но и во времени. Благо личности требуетъ не только того, чтобы движеніе совершалось впередъ, въ пространственномъ отношеніи, но и того, чтобы оно шло быстро. Быстрота прогрессивнаго движенія долина подходитъ къ тому предѣлу, гдѣ дальнѣйшему ея возрастанію препятствуютъ законы естества. Подобная быстрота даже въ наше переходное время почти уже достигнута въ западно-европейск. государствахъ и въ „новомъ свѣтѣ“, тамъ послѣднее слово науки осуществляется въ конкретномъ явленіи, вслѣдъ за своимъ нарожденіемъ, тамъ по методу точныхъ наукъ производятся en grand экспериментъ соціальныхъ реформъ, сулящихъ людямъ близкое счастіе равенства и справедливости, тамъ всѣ силы науки — интеллектуальныя, волевыя и нравственныя — пущены въ ходъ и развиваются на просторѣ — не стѣсняемыя насиліемъ и злобою. Положимъ и тамъ еще далеко до осуществленія всеобщаго и всесторонняго счастья индивидуума, личности и тамъ существуетъ зіяющая бездна между богатствомъ съ его блескомъ и пресыщеніемъ и крайнею бѣдностью съ ея рубищемъ и полуголодомъ,

4 8517

но за-то потому уже строятъ неизбѣжное слитіе чрезъ эту преграду тысячъ царство трудящихся готово уже смѣнить царство эксплоататоровъ и угнетателей и уже являются предвѣстники этого царства.—

Неограниченный монархизмъ, какъ доказала исторія его прошлаго и какъ доказываетъ его настоящее противорѣчитъ какъ форма правленія, истиннымъ интересамъ народа, является тормазомъ для истиннаго быстраго прогресса. Исторія своимъ роковымъ теченіемъ смываетъ или обезсиливаетъ принципъ монархическаго правленія. Въ наиболѣе цивилизованныхъ передовыхъ странахъ мы видимъ, что этотъ принципъ мало-по-малу упраздняется или ограничивается: во Франціи видимъ республику, въ Австріи и Германіи, Швеціи и Норвегіи, Италіи, Бельгіи и Испаніи — конституціонныя т.е. ограниченныя всякаго рода монархіи, въ Америкѣ демократическую республику. Даже государства, не ознаменовавшіяся себя великимъ историческимъ прошлымъ, начинаютъ эмансипироваться и выпутываться хотя бы просвѣщенныхъ своихъ деспотовъ вродѣ Донъ-Педро покидаютъ свои насиженныя мѣста и отрекаются отъ права на жизнь и смерть людей (и это на другой день послѣ уничтоженія рабства негровъ). Даже крохотныя государства, вродѣ Сербіи и Болгаріи, Греціи, Крита могутъ по отношенію такого колосса, какъ Россія, назваться микроскопическими, и тѣ имѣютъ свои парламенты, т. е. организованные органы для выраженія

Г

народной воли. Это фактическое устраненiе монархическаго принципа со сцены исторiи есть лучшее доказательство его непригодности и несогласiя съ духомъ времени и потребностями человечества. - Ничто полезное для коллективнаго организма не можетъ пропасть подобно тому, какъ не пропадаютъ, а подлежатъ естественному подбору и закрепляются полезные признаки въ организме индивидуальнаго. Следов., съ одной стороны отрицательныя доказательства въ виде красноречивыхъ уроковъ исторiи доказывающихъ фактически изъ жизни великихъ народовъ, что монархiи были уничтожены или близки къ уничтоженiю, причемъ это стоило громадныхъ усилiй, несчетныхъ кровавыхъ жертвъ со стороны гражданъ, (а эти жертвы никакъ уже не могли быть принесены во имя чего-либо заведомо-вреднаго для техъ лицъ, кто приноситъ эти жертвы); съ другой стороны доказательства положительныя въ виде неописуемыхъ страданiй человеческой личности въ среде техъ европейскихъ народовъ, - не говоря уже объ азiатскихъ - которые доселе, какъ на примеръ: наша родная несчастная страна или Турцiя бьются въ предсмертной агонiи въ когтяхъ системы, не избавившись отъ монархизма; эти двойнаго рода доказательства должны бы убедить всехъ честныхъ гражданъ-патрiотовъ, для которыхъ счастье народа не является поводомъ для однихъ только воздыханiй, а и предметомъ страстныхъ стремленiй, готовыхъ перейти въ созидательное дело должны убедить и соединить ихъ подъ

однимъ знаменемъ глубокой и единодушной ненависти къ монархизму. Когда бы наступилъ такой моментъ, что эта ненависть разлилась по мышленію всѣхъ дѣятельныхъ и просвѣщенныхъ граждан, тогда пробилъ-бы часъ истинной, а не мнимой свободы, тогда монархизмъ со всѣми своими атрибутами, съ паразитами и фаворитами, съ мандаринами и тюрьмами, съ виселицами и цѣпями, съ бичами и скорпіонами, со своимъ духомъ нетерпимости и мракобѣсія, со своею ненасытною алчностью, вообще со всею своею скверною, монархизмъ разсыпался-бы въ прахъ подъ могучимъ дуновеніемъ гражданскаго самосознанія, оставивъ по себѣ только одни мрачныя воспоминанія на страницахъ вѣчной книги исторіи. И этотъ великій актъ могъ бы совершиться помимо пролитія крови, простымъ провозглашеніемъ смертнаго приговора монархизму устами организованнаго единодушнаго и рѣшительнаго большинства народа. Такимъ образомъ именно должна, повидимому, совершиться соціальная революція въ Германіи, гдѣ большая доля почти всѣхъ рабочихъ классовъ уже плотно и прочно объединена, вслѣдствіе самосознанія и самообладанія, ясно понимаетъ всѣ черты и весь внутренній смыслъ того идеала, к-рый выработала точная наука и к-рый своими свѣтлыми радужными перспективами всей полноты вѣроятнаго и достижимаго на землѣ счастья вдохновляетъ людей заклеймить ихъ всего

Г

и мужество, растерзываетъ страшно бьющееся въ ихъ груди сердце. — Соціалъ-демократія всѣмъ политическимъ партіямъ въ Германіи гордо побѣдоносно поднявшая нынѣ свою благородную голову, — является носительницей и распространительницей этихъ прогрессивныхъ идей, которыя одушевляютъ рабочія массы и кровью осуществившихся вѣкового этихъ массъ, сразу отъ монархизма съ его безпощадными Вильгельмами, лживыми Бисмарками обскурантами Цедлицами, двуличными канцлерами вродѣ Каприви, монархизма, пресмыкающагося на пушкахъ могучаго безумнаго порядка и разрушающагося дня смотровъ забитыхъ съ земляными мундирами солдатъ, должны привести къ соціалистическому строю въ томъ видѣ, какъ его предрекаетъ наука. —

Успѣхъ соціалъ-демократической политики на Германской почвѣ возвеличиваетъ принципы, которыми она руководится, доказываетъ ихъ разумность, полезность, практическую применимость и налагаетъ нравственную обязанность на политическія партіи другихъ странъ, партіи, зовущіяся революціонными усвоить себѣ тактику соціалъ-демократовъ. —

V.

Русское революціонное движеніе, вышедшее изъ нравственнаго подъема духа въ 60 год., пройдя всѣ постепенныя фазисы развитія, начиная нечаевщиной, перешедши затѣмъ въ могучее народническое движеніе 70 год., кое закончилось процессомъ 193-хъ и дойдя до своего апогея

Г.

въ терроръ — должно будетъ теперь вступить въ общее съ западно-европейской соціалъ-демократіей русло. Мы современные русскіе революціонеры, ближайшими своими предшественниками имѣвшіе могучихъ титановъ революціи, террористовъ и мы, помимо ту тѣсную духовную связь, которая соединяетъ отдѣльныя поколѣнія общественныхъ дѣятелей, помимо, что нашимъ великимъ вождямъ и просвѣтленнымъ мощью предшественникамъ выпало на долю вынести на своихъ плечахъ самый тяжкій опытъ русской революціи, благодаря которому мы теперь знаемъ „пути, куда намъ не слѣдуетъ идти," мы съ глубокимъ благоговѣніемъ должны произнести тѣ имена, какъ Александръ Михайловъ, Желябовъ, Перовская и будемъ учиться у нихъ, читая увлекательную исторію ихъ титанической дѣятельности, ихъ героизмъ и самоотверженіе въ борьбѣ за свободу роднаго народа. —

Но „довлѣетъ дневи злоба его" и мы уже стоимъ на перепутьи, съ котораго уже нельзя воротиться къ прошлому и надо организовать свою дѣятельность на иныхъ началахъ, проба достижимости которыхъ была уже произведена, какъ выше сказано, преимущественно на Херсонской почвѣ. —

Мы начали формированіе своего міросозерцанія съ критики террора, направленія дѣятельности нашихъ предшественниковъ. Но отрицательная работа наша была не трудна:

В

нихъ было только сдѣлать единственно воз-можный выводъ изъ свершившагося факта полнаго неуспѣха акта 1 Марта. Народъ оказался неспособнымъ понять стремленій революціонеровъ, не пошолъ въ рѣшительный мигъ довершить дѣло своего освобожденія отъ тираніи и готовъ былъ въ своей духовной тем-нотѣ растерзать на кусочки своихъ защит-никовъ. Ясно, что бурныя волны террора разбились безсильно о твердый утесъ народ-наго невѣжества, хотя и успѣли смыть съ его вершины царственнаго самодержца. —

Ясно стало, что необходимо разрушить друж-ными усиліями гранитный утесъ, а тогда само собой падетъ все то что покоится на его вершинѣ. Стало понятнымъ, что нельзя декредитировать, сдѣлать революцію, а можно только проторить ей широкую дорогу; что бомбы съ динамитомъ могутъ убить лицо, но не убьютъ систему, что терроръ окупается слишкомъ дорогою цѣною, невозвратною массовою потерею лучшихъ людей, требуетъ необычайно прочной конспираціи, открываю-щей просторъ для предательства, разъ только въ ней заведется хоть одинъ человѣкъ двуличный. Не самое кровопролитіе мы отрицаемъ (это было бы сентиментально, а мы въ вопросахъ нравственности держимся точки зрѣнія утилитарной, положительной, какъ и сами террористы) но цѣлесообраз-ность, а слѣд. полезность кровопролитія. Тер-роризмъ не былъ какою-либо теоретически обоснованной доктриною, но былъ политиче-

скимъ экспериментомъ, дѣломъ мести, порывомъ отчаянія. Именно поэтому лучшимъ аргументомъ противъ него были практическіе его результаты: реакція и всеобщая деморализація были послѣдствіемъ террора, а это отнюдь не входило въ разсчеты дѣятелей 1 Марта. И терроръ отжилъ свое время, свершилъ свое историческое назначеніе, хотя и отрицательное тѣмъ не менѣе важное, прекратилъ свое существованіе вмѣстѣ съ замѣчательными людьми, его представителями. Попытка воскресить отжившій принципъ, произведенная въ 1887 г. какъ и всякая такая попытка, противорѣчившая фактическому ходу событій, окончилась полнымъ крахомъ: не было для террора ни средствъ, ни людей — титаны погибли на плахахъ, на ихъ мѣсто выступили пигмеи и были раздавлены ногтемъ русскаго царя. —

На Западѣ терроризмъ даетъ себя знать отъ времени до времени динамитными взрывами и слыветъ тамъ подъ именемъ анархизма. Но надо отличать этотъ анархизмъ отъ нашего терроризма, между тѣмъ и другимъ есть только внѣшнее сходство, въ атрибутахъ, усвоенныхъ обоими, въ бомбахъ, въ динамитѣ, политическихъ убійствахъ, но по внутреннему своему содержанію и историческому значенію, оба кореннымъ образомъ отличаются другъ отъ друга. Дѣятели русскаго террора никогда не возводили въ руководящій принципъ идеи разрушенія и въ кровопролитіи видѣли только временную необходимость, средство терпящее свои

в

разумный смыслъ, когда достигнута строго определенная цель — гибель неограниченной монархической тираніи. Они приняли систему убійствъ и покушеній, только съ отчаянія убѣдившись, что на пути всякому даже умѣренному, прогрессивному движенію стоитъ какъ каменная стѣна деспотическое самодержавіе. На Западѣ для прогресса открыта широкая дорога, кромѣ гарантіи гражданской независимости, такъ незыблемо укрепились принципы свободы печати, слова и собраній, следовательно динамитная политика и анархическія бредни утрачиваютъ свои „raison d'être". Если все же анархизмъ существуетъ, то этому конечно есть свои причины и намъ кажется, что главныя и общія состоятъ въ переходности нашего времени. Образованіе далеко еще не проникло во всѣ человѣческія головы, не всюду вытравило мечтательный идеализмъ и убогую метафизику; съ другой стороны царство правды еще не наступило, капитализмъ, чуя свое скорое крушеніе свирѣпствуетъ напослѣдокъ особенно ожесточенно, массы мелкихъ неудачниковъ и голодныхъ не изсякаетъ и даже ростетъ. Вотъ изъ этого-то класса и являются мстители современному обществу за свое поруганное человѣческое достоинство, мстители, готовые подъ вліяніемъ аффекта на всякое насильственное средство. Ряды человѣчества совершаются со страшными внутренними

потугами, но не смотря на то они досрочно-совершиться; им содействовать будутъ опытные, знакомые съ научного историческаго повивальнаго искусства — акушеры.
Если эти роды — будетъ предшествовать свою метаморфозу - сопровождаться первыми выраженiями анархизма акушеры будутъ видеть въ этомъ только естественные симптомы болезненности всего общественнаго строя, чреватаго великимъ будущимъ и постараются разумными убежденiями оздоровить и успокоить пацiента, указывая, что первыми вредитъ и замедляетъ значительный актъ и сможетъ отразиться на плодѣ.
Социалъ-демократическая партiя, великiй акушеръ будущаго, стремится именно такимъ энергическимъ словомъ убежденiя предостеречь рабочiя массы отъ увлеченiя того пустого и преждевременнаго демонстративностью, которая есть плодъ аффекта, а отнюдь не сознанiе силы. —
Бебель, Либкнехтъ, Зингеръ отказываются отъ солидарности съ такъ называемыми молодыми (Шипп. Вернер, Эрнст) рекомендующими начать теперь же дѣло социальной революцiи, доказывая необходимость этого больше, чемъ выразился одинъ изъ вождей истинной социалъ-демократiи, „силою машинъ" чисто разсудочными доводами.
Социалъ-демократiя резко выставляетъ свое различiе отъ всякихъ партiй, практикующихъ

замашки анархическаго кошмара. На Брюссельском конгрессѣ социал демократов, происходившем в концѣ Августа прошлаго (1891) года анархисты большинством голосов были исключены из состава членов конгресса и наконец Энгельс сказал при этом слѣдующее: „чего хотят здѣсь, между нами, эти люди, чего хотят они на конгрессѣ, занимающемся вопросами рабочаго законодательства и рабочей организации, когда они не признают ни того ни другого? Чего они хотят между нами, рѣшающими вопрос о майских демонстрациях, они, которые устроителей этих демонстраций топтали в грязь, не останавливаясь даже перед самою гнусною клеветой." Во время берлинскаго „tumulta", происходившаго в Феврале нынѣшняго года (1892), социал-демократы громко провозгласили свое неодобрение безмысленному уличному горлодерству. Только такие демонстрации (подобно майским) — заслуживают их санкции, бы способны свидетельствовать миру наличную, действительную силу рабочих организованных масс, причем такие демонстрации, подобно майским, должны свершаться величественно-спокойно, без варварства и бессмысленнаго насильничества: в родѣ разбивания окон, зуботычинам и грабежа, а наоборот доказывая высокую степень культурности, приобретенную рабочими, по чертнутую ими из науки и самовоспитания. Суть анархизма проистекает из необузданнаго идеализма покоющагося на метафизикѣ, — суть — же социал-демократии из здороваго реализма,

6

основывающагося на данн точной науки и исторического опыта. Ясно, что самыя основанія этих двух революціонных направленій совершенно противоположны и что примиреніе между партіями, руководящимися столь разными началами, состояться не может никаким образом. —

Настала пора и русскому революціонному движенію эманципироваться от несбыточных мечтаній терроризма, настала пора и русским революціонерам пойти рука об руку съ социал-демократами западно-европейской науки.

Нашим боевым знаменем должен стать принцип коллективизма и мы всеми силами будем стремиться провести этот принцип во все области жизни нашей родной страны: он, этот принцип будет блистать для нас, как путеводный маяк и как солнце освещать все встречные явленія жизни. Распространеніе идей научнаго соціализма путем легальной печати, под покровом эзоповскаго языка и нелегальныя, когда оргусово око цензуры по мановенію царственнаго перста станет зорче вглядываться в слово писателя; съ профессорской кафедры и съ трибуны юриста, путем устной пропаганды в среде интеллигенціи преимущественно ея молодой части, как более впечатлительной и отзывчивой, в среде рабочаго класса, как более воспріимчиваго къ идеям соціализма, подготовленнаго к их воспріятію самою сущностью своего общественнаго положенія — вот кардинальный пункт

6

нашей политической программы. Он покоится на твердой уверенности въ непреоборимой, несокрушимой силѣ справедливых идей, идей возникших изъ дѣйствительнаго фактическаго положенія вещей и на нем воздвигнувших свое незыблемое основаніе, увѣренности в неотразимом дѣйствіи страстнаго убѣжденнаго слова, всѣ вооруженнаго всѣмъ арсеналом точнаго научнаго знанія, одушевленнаго безкорыстною любовью к людям, ненавистью к тиранамъ и инквизиторам. Мы будем чужды всякаго пафоса, всякой показности; не станем надѣвать фригійских колпаковъ и махать кроваво-красным знаменем, восторженно пѣть марсельезу и кричать „а ба Алекс III". Мы хорошо знаем, что все это мишура и только показала-бы нашим заклятым врагам гдѣ наше мѣстопребываніе: азбукѣ революціонной практики нас научили предшественники, геніи конспираціи.

Будем же просты как дѣти, в своих внѣшних пріемах и мудры как змѣи, в исполненіи своей миссіи, чтобы слѣдующее поколѣніе революціонеров могло добрым словом помянуть нас и извлечь себѣ пользу из опыта нашей дѣятельности. —

VI

Хаосъ воцарился въ умах русских интеллигентовъ, чуть не съ перваго момента, когда констатировано было оффиціально факт голода

Въ нашу задачу не входитъ подробный обзоръ всѣхъ мѣстностей, которыя преподносились на страницахъ нѣкоторыхъ органовъ вродѣ „Нов. Вр." „Новости", „Недѣли", не говоря уже о записныхъ охранителяхъ въ родѣ „Гражданина", „Моск. Вѣд." Мы не скажемъ ни слова о тѣхъ выходкахъ въ печати которыя направлены были противъ голодающаго мужика и вызваны были нехорошими побужденіями: кульминаціонной точкой этого рода безстыдства были статьи поэта Фета, а о немъ мы уже сказали выше въ достаточно сильныхъ выраженіяхъ.—

До тѣхъ поръ пока сборы пожертвованій въ пользу голодающихъ шли въ розницу, единолично, что преимущественно изобильно только въ началѣ, когда свѣжи были еще впечатлѣнія отъ газетныхъ извѣстій и не приняли русскому обывателю ихъ старенькій однообразный видъ — до тѣхъ поръ въ печати не представлялось ничего такого чтобы достойно было замѣчанія. — Но вотъ волна дѣятельнаго сочувствія захватила русскихъ литераторовъ и въ нихъ зародилось стремленіе организовать и коллективно оказать со своей стороны помощь голодному крестьянину; въ разныхъ концахъ Россіи затѣялись литературные „сборники" выручка съ которыхъ назначалась голодающимъ. Сейчасъ же проявился по поводу этихъ замысловъ маленькій, но очень характерный фактецъ, обнаружившій коренной порокъ русской общественной жизни, ея

-уский индивидуализмъ общество. Литера-
торъ Круповъ напечаталъ въ „Нов. Врем." ко-
роткое письмо въ сантиметръ, петитомъ, въ
которомъ рекомендовалъ единоличныя пожертво-
ванія. Эта ужасная бедность, неспособная возвы-
ситься до пониманія широкихъ вдохновенныхъ
идей нашего времени — самая типическая черта
современной русской интеллигенціи. Ограни-
чиваясь только мимоходомъ по этимъ фактамъ,
остановимся поподробнее только на одномъ
недоразумении, которое, по нашему наблюде-
нію, имеетъ опасную тенденцію пустить
прочные корни въ умахъ, а потому заслужи-
ваетъ весьма тщательной критики. Оно
достойно пониманія еще и потому, что
не подлежитъ разсмотренію легальной
печати, ибо его разсмотреніе неразрыв-
но должно бы коснуться вопросовъ
нецензурныхъ.—

Съ недавняго повидимому времени ста-
ли раздаваться въ обществе голоса некото-
рыхъ глубокомысленныхъ финансеровъ,
что помогать голодающему крестьянину
не следуетъ, что это упрочитъ содейство-
вать ненавистному правительству вы-
браться изъ затрудненія, въ которое оно попа-
ло, стало быть способствовать его торже-
ству, и отодвинетъ въ неопределенное
будущее минуту его паденія. Если это
говорится искренно, по зрелому размыш-
ленію, то можно подивиться бедности
мыслительныхъ способностей, непониманію
пониманія совершающихся событій, скудно-
сти нравственныхъ и общественныхъ —

Г

чувства у этихъ новоявленныхъ апостоловъ софизма: „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше". Если же этотъ софизмъ пускаютъ въ такой критическій моментъ ради элоквенціи, ради того только, чтобы въ мутной водѣ рыбу ловить, — пріобрѣтаются душевные аплодисменты, то нѣтъ достаточно сильнаго возраженія, [illegible] стоило назвать этихъ современныхъ Геростратовъ. —

Русская интеллигенція цѣлыя десятки лѣтъ была отчуждена отъ народа насильственными дѣйствіями правительства. [illegible] себѣ представить трагизмъ этой вынужденной разлуки дѣятельности въ средѣ роднаго, дорогаго, темнаго забитаго народа и этого самаго народа, взывающаго о помощи, своими стонами раздирающаго сердце прикованнаго русскаго [illegible]. —

Народъ и интеллигенція раздѣлена въ Россіи грубою силою деспотизма: каждую слабую попытку сблизиться съ народомъ эта жестокая сила карала тюрьмою, ссылкою, каторгой, не то такъ и висѣлицей. Теперь наступилъ моментъ, когда тяготѣніе этихъ двухъ близкихъ по духу элементовъ народа подъ дѣйствіемъ грозной бѣды, пробудившей съ небывалою силою сознанье необходимости сліянія тяготѣніе это дошло до высшей степени напряженія и средостѣніе искусственно созданное между ними правительствомъ должно

рѣзкимъ образомъ решительно.
Правительство вѣроятно поставитъ преграду стремленію интеллигенціи идти въ народъ оно даже само вынуждено взывать къ общественной самопомощи, ибо не имѣетъ средствъ устранить голодъ со всѣми его грозными именно для самого правительства послѣдствіями. Однако, теперь тяжелая минута, кот. можетъ впередъ и не повториться, минута наиболѣе благопріятная для тѣснаго сближенія съ народомъ, чтобъ общими силами бороться противъ правительства. Народъ нашъ слабо знаетъ свою интеллигенцію, кот. у него слыветъ подъ именемъ „студентовъ" и кот. онъ склоненъ приписывать по своему невѣжеству самыя дурныя намѣренія по отношенію къ себѣ и батюшкѣ-царю: недавнее крѣпостное прошлое не изгладилось еще у него изъ памяти и въ образованныхъ людяхъ онъ до сихъ поръ видитъ „барей", дармоѣдовъ, кот. еще такъ недавно распоряжались съ мужикомъ, какъ съ рабомъ. Народъ темный, забитый народъ совсѣмъ или слабо понимаетъ причины постигшаго его голода, видя въ немъ „гнѣвъ Божій".
И вотъ теперь когда мы имѣемъ полную возможность показать народу, какъ мы его любимъ и какъ желаемъ ему помочь, показать фактически, кот. онъ по своей [illegible] только и довѣряетъ, самоотверженного участія на самомъ дѣлѣ

его страданій, когда мы всѣмъ обществомъ съ нимъ можемъ просвѣтить его сознаніе, указать ему его истиннаго врага, когда мы сами можемъ съорганизоваться объединиться не подъ огнемъ непріятельскихъ выстрѣловъ, въ такую то историческую минуту, которую упустить преступно, неужъ предпочесть непрошенные совѣтчики, у которыхъ нѣтъ ни мозгу, ни сердца, сочинить ученіе, предаться фаталистическому созерцанію своего пупка и ждать, какъ по щучьему велѣнію будто бы рухнетъ русскій монархизмъ. Что за тупоуміе, что за сектантство правственное! Эхъ вы головастики, эхъ вы теоріи и доктрины на двухъ ногахъ! Вы тоже продуктъ разложенія деморализаціи, обуявшей русское общество, вы дѣти индифферентизма и апатіи, съ кускомъ глины, вмѣсто сердца, съ тупымъ схоластическимъ мозгомъ; подъ вліяніемъ образованія и воспитанія трудилась толстовски-классическая школа; вы выросли въ атмосферѣ шкурнаго страха и общественной мертвенности —

Если предоставить правительству одному бороться съ голодомъ, неужто можно сомнѣваться въ томъ, что оно постарается всѣми силами поднять свой престижъ и тѣмъ увѣковѣчить свое господство: ему для этого достаточно только устранить самыя тяжкія послѣдствія голода — смерть и болѣзнь отъ голода — прокормить впроголодь до весны мужика и затѣмъ почить на лаврахъ страданій отъ голода —

голода и нищеты народъ наконецъ воз-
станетъ на царя и его сотрапезниковъ, то
помимо глубокой безнравственности
такого упущенія изъ виду то простое
соображеніе, что не всегда такъ может
случиться. Чего ужъ касается ухудшенія
положенія крестьянина въ настоящую
минуту, когда голодуха свирѣпствуетъ
во всей своей силѣ и приходится утолять
голодъ чуть не землею? — однако міросозер-
цаніе нашего народа такъ проникнуто
фатализмомъ, который прививался ему въ
теченіи вѣковъ рабства. Обнищаніе и голодъ
можетъ унести въ могилу сотни тысячъ,
милліоны людей, обративъ страну въ безлюд-
ную пустыню: или же настолько пода-
вить и истощить нравственныя и духов-
ныя силы народа, что онъ не воспрянетъ
долгіе долгіе годы. Какой же пророкъ
возьметъ на себя нравственную отвѣт-
ственность за то, что этого не случится,
что наоборотъ изголодавшійся народъ
звѣремъ бросится на царское правитель-
ство и растерзаетъ его. Да наконецъ;
положимъ даже, что и это случится и
осуществятся химеры нравственныхъ
евнуховъ. Мы всетаки утверждаемъ,
что народъ деморализованный физически-
ми страданіями, такой народъ не
будетъ въ состояніи прочно установить
своей свободы подобно тому, какъ это
было во Франціи послѣ великой революціи.—

Годъ подобный нашему, тѣмъ именно и ужасенъ, что дѣйствіе его не ограничивается однимъ годомъ, а продолжается на цѣлый рядъ лѣтъ. Это не война, кромѣ того и сказали разразится по почину Германского соціалдемократа Вильгельма. Если бы разразилась война и окончилась нашимъ пораженіемъ, въ чемъ и сомнѣваться нельзя, это бы еще могло сослужить дѣлу политическаго освобожденія русскаго народа ту же службу, какую сослужило дѣлу освобожденія отъ крѣпостной зависимости Севастопольское пораженіе. Но это случилось бы только и только потому, что война при настоящихъ условіяхъ человѣка убійственнаго искусства должна была бы закончиться въ короткое время и меньше разслабила бы гордіевъ узелъ русскаго общества, главное же потому, что въ этомъ случаѣ уничтоженіе монархич. абсолютизма произошло бы отъ силы внѣшней а не по почину самого народа. Германск. соціал-демокр., принципіальный противникъ войны и милитаризма, потому то единственно и не сталъ бы препятствовать войнѣ съ Россіей, что по ея вѣрованію, только извнѣ Россія можетъ ждать свободы и освободившись стать безвреднымъ для вѣковой западно-европейской культуры.—

Но внутренній врагъ всегда въ сотни разъ вреднѣе внѣшняго если менѣе рѣшитъ фатально, то только не повредили нѣкоторого но важного внутренняго органа, и организмъ перенесетъ болѣзнь; иногда только встряска

дѣйствуетъ рѣшительно, уничтожаетъ какую-то злую хроническую болѣзнь. Но разъ недугъ забрался въ такой органъ, — порокъ въ сердце, паразитъ въ мозгъ, — страданіямъ не будетъ конца и организмъ обреченъ на смерть. Эта схема, к-рая стала общимъ мѣстомъ, и еще большей степени примѣнима къ организму коллективному, а между тѣмъ господа, воззрѣнія к-рыхъ мы съ негодованіемъ оспариваемъ, не понимаютъ этой ясной какъ божій день истины. —

Стыдно и подло сознательно прививать апатію и индифферентизмъ нашему русскому обществу, которое этими дрянными свойствами и безъ того богато до такой степени, что создало цѣлый типъ Тентетниковъ и Обломовыхъ, типъ, насчитывающій по лицу сонливой обломовской Руси своихъ представителей тысячами. —

Заключеніе.

„L'union fait la force"

Иностранцы подаютъ намъ примѣръ высшей гуманности, вытекающей изъ тѣхъ живыхъ общественныхъ чувствъ, к-рыя постоянно у нихъ питаются и крѣпнутъ под. дѣйствіемъ бурно-кипящей культурной общественной жизни. Наши хлѣбные конкуренты, американскіе янки, о к-рыхъ составилось пошлое ходячее мнѣніе, что они выше долларовъ ничего не хотятъ знать, шлютъ нашему голодному крестьянину цѣлые корабли-

В

любви. Въ Германіи, откуда Императоръ край грозитъ намъ огнемъ и мечемъ, гдѣ еще культура и образованность не убила узкаго націонализма, гдѣ еще досихъ существуютъ цѣлыя орды шовинистовъ, на крыльяхъ и опирается мощный Германскій Императоръ, тамъ также раздаются возгласы къ пожертвованіямъ въ пользу русскаго крестьянина. И эти трогательные факты въ сущности такъ просты и понятны съ высшей точки зрѣнія, идея всемірнаго братства до такой степени ясная, справедливая идея, согласная съ инстинктивными потребностями человѣческаго духа, что можно только дивиться какъ въ развитыхъ людяхъ (если только впрочемъ это дѣйствительно развитые люди а не шарлатаны) способна уживаться такая сердечная черствость, такая низменность помысловъ, какъ это сказывается въ разобранномъ нами воззрѣніи.

Только что приведенные факты, имѣющіе духъ захватывающій смыслъ, проводятъ въ практику жизни идею безкорыстной любви между людьми: эти факты въ концѣ нашего буржуазнаго вѣка съ его кровопійствомъ, утилитаризмомъ и животнымъ эгоизмомъ, самые дорогіе, самые грандіозные по внутреннему содержанію факты.

Теперь они совершаются спорадически, но не надо быть мистикомъ, утопистомъ

чтобы видѣть, что идея мірового братства,
в потенціалѣ, в возможности, сіяетъ
во всѣхъ сферахъ жизни человѣчества и
въ ~~экономической~~ и въ политической и въ
научной, и готова осуществиться въ фено-
менѣ, въ конкретность явленія. Этому
могутъ не вѣрить въ наше время только
тупоголовые, неразвитые, бездушные люди,
но даже и они должны признать, что на
лицо есть красноречивые факты, которые
позволяютъ мечтать о царствѣ братства,
равенства и свободы. Что это не мечта,
докажетъ будущее ~~уже~~ вовсе недалеко.

Теперь народы возвысились духовно
до способности приходить другъ-другу
на помощь въ минуту бѣды забывая свои
національные счеты и раздоры; наступитъ
пора, когда народы будутъ помогать
другъ-другу, устранивъ причины этихъ
бѣдъ, избавивъ одинъ другого отъ тирановъ
и алчныхъ паразитовъ. Эта фаза развитія
идеи коллективизма уже совсѣмъ состав-
ляетъ вопросъ завтрашняго дня. Въ ту
минуту, когда эта общечеловѣческая
солидарность сдѣлается фактомъ дѣй-
ствительности, тогда съ исторической
дороги будутъ сдвинуты главнѣйшія
препятствія для прогресса и соціалисти-
ческій строй водворится по всему міру
нашей планеты. Будемъ надѣяться
и вѣрить, что молодое поколѣніе —

доживетъ хотя бы до момента наступленія этой новой великой эпохи. —

Рускій социалъ-демократъ

„Nemo"

10–14 Марта

1892 г.